

**ВЛАДИСЛАВ
ИНОЗЕМЦЕВ**

**НЕСОВРЕМЕННАЯ
СТРАНА**

РОССИЯ В МИРЕ XXI ВЕКА

Владислав Леонидович Иноземцев

Несовременная страна.

Россия в мире XXI века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36633772

Несовременная страна: Россия в мире XXI века: Альпина Паблшер;

Москва; 2018

ISBN 978-5-9614-1498-1

Аннотация

Россия – страна, безусловно, особенная, как это любят подчеркивать кремлевские идеологи, однако сложно найти хотя бы одну сферу, в которой такая особенность указывала бы на прогрессивный характер и выгодно отличала ее от остальных государств.

История последних полутора десятилетий – от пугающей своими темпами деиндустриализации до попыток воссоздать советскую империю через ренессанс идеологии и религиозного мировоззрения – все четче указывает на то, что Россия осознанно разворачивается от современности к архаике. Что должно случиться для того, чтобы страна предпочла модернизационный путь, сказать сложно, но необычайно важно создать систематическую картину общества, в котором мы живем, и мира, в который это общество встроено.

Эта книга – попытка оценить, с какого рубежа стране придется начинать, если она все же попытается вписаться в современный мир, а также отчасти предупреждение о том, чего мы все можем лишиться, если ничего сейчас не предпримем.

«Сегодня, пожалуй, не найдется человека, который не согласится с тем, что с Россией что-то „не так“. И речь не о том, хорошо это или нет, – кому-то кажется, что мы совершенно зря отклоняемся от пути развития „цивилизованных“ стран, а кто-то считает, что именно наше общество остается образцом, на который стоит равняться остальным, – а о том, что ощущение диссонанса становится все отчетливее».

Особенности

- Это удивительно подробное и точное исследование сегодняшней России: Владислав Иноземцев рассказывает о месте, которое наша страна занимает в мире, об истоках наших проблем и возможных направлениях дальнейшего движения.

- Вы узнаете, что проблемы, с которыми, казалось бы, страна столкнулась только сейчас, на самом деле преследовали Россию на протяжении всей ее истории, именно поэтому справиться с ними настолько сложно.

- Книга вошла в лонг-лист премии «Просветитель».

Содержание

Предисловие	10
Введение	14
Глава первая	32
Вечное «ученичество»	33
Уникальная имперскость	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владислав Иноземцев

Несовременная страна.

Россия в мире XXI века

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Василенко*

Корректоры *Е. Аксёнова, Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Фото на обложке из фотобанка *shutterstock.com*

© В. Иноземцев, 2018

© ООО «Альпина Паблицер», 2018

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от то-

го, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Потрясающая книга! Невозможно оторваться! Глубина анализа, страстность и вместе с тем ясность изложения, острота мысли – всё есть в этой книге о России. Рекомендую читать всем!

Дмитрий Зимин,

основатель фонда

«Династия», соучредитель премии «Просветитель»

Владислав Иноземцев, проницательный исследователь современной России, сделал четкий и убедительный «фотоснимок» своей страны. В России, управляемой Владимиром Путиным, по мнению автора, нет места оппозиции – тут можно встретить только современных диссидентов. Оптимизм, однако, порождает сам интеллектуальный формат авторского поиска: пока в России есть такие исследователи, не

стоит терять надежды.

Адам Михник,

*один из руководителей движения «Солидарность»,
основатель*

Gazeta Wyborcza (Польша)

В книге аккумулирован огромный исходный материал. Отсюда – тщательный и убедительный анализ целого ряда сторон нынешней действительности. При этом предпринятая серьезная попытка системно обрисовать общество, в котором мы живем, чужда равнодушному академизму – в острой публицистике автора постоянно звучит тревога за будущее России.

Анатолий Адамишин,

Чрезвычайный и Полномочный Посол,

*бывший первый заместитель министра иностранных дел
СССР*

В России изуродованная идея Государства. Государство здесь и есть страна. Поэтому так долго не возникает естественного диалога между властью и обществом, которое до сих пор не может сформулировать свой запрос к государству, чтобы жить с ним на равных. Книга Владислава Иноземцева – один из актуальных блоков того знания, которое необходимо для понимания сегодняшней России и для ее выхода из утомительной несовременности.

Елена Немировская,

основатель и руководитель Московской школы гражданского

просвещения, офицер Ордена Британской империи

Профессиональная репутация Владислава Иноземцева не нуждается в комментариях. Это один из наиболее ярких социальных мыслителей и глубоких аналитиков современной России, каждый текст которого вызывает всегда повышенный интерес у подготовленного читателя. Эрудированность автора делает его новую книгу интеллектуальным бестселлером для тех читателей, которые хотят понять, почему Россия идет туда, куда она идет.

Игорь Минтусов,

основатель и председатель совета директоров Агентства стратегических коммуникаций «Никколо-М»

Книжные проекты
Дмитрия Зими́на

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зими́на» и продолжает серию «Библиотека «Династия»». Дмитрий Борисович Зими́н – основатель компании «Вымпелком» (Veeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».

Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».

Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Ксюше и Мише – современным гражданам несвоевременной страны

Предисловие

Когда моряки привезли в Европу рассказы о жирафах, ученые высмеяли эти сказки. Они доказали, что длинношейый уродец всего лишь нежизнеспособное отклонение от нормы. А жирафы все еще живы.

Владислав Иноземцев определяет Россию как *несовременную страну*, век за веком переживающую отсталость – реальную или намеренно культивируемую. Отклоняя пошлости о «головоломке, обернутой в тайну», автор требует изучать Россию без предубеждений, но отличать несовременность от аномальности. «Нам же надо наконец понять, чем живет и как работает комплексная социальная система, выстроенная на основе принципов, которые, казалось, исключают ее выживание».

Прошли времена, когда отстающая Россия искренне хотела догнать Европу. Сегодня в позиции России простодушия нет, ее искусственная несовременность сулит тревожные времена. Отсталость России – выбор ее властей, а не наследие темного прошлого. Взглянув на цифры российской экономики с колеблющимися долями зависимости от экспорта сырья, мы заметим – сырьевую идентичность выбрали и закрепили.

Владислав Иноземцев раскрывает парадоксальность *несовременного государства* – устойчивого, могущественного на

вид. Но описания автором подробностей жизни общества, государства, экономики, международных связей освещают ландшафт тупика. Россия не просто отстала, она отвергает все шансы развития. Москва манипулирует ресурсами общества и собственностью граждан, лишь бы интересы группы придворных не понесли ущерба. Это аморально и оставляет страну без будущего, однако не мешает стране выживать.

Автор скептически относится к рецептам «устранить “наносное”, вернув Россию к “нормальному” состоянию». Своего рода пенитенциарная исправительная политология, которой одержим и Путин. В своем воображении зачищая «наносное», он возвращает страну к суверенности. Иноземцев обратил внимание на размытие демократических норм добавкой «уточняющих» прилагательных – рыночная, иллиберальная, суверенная... (Замечу, что гордый термин «суверенная демократия» также лишь плагиат из речи госсекретаря США.)

Диктат нормативности вызывает противодействие, подрывая норму. Вакуум заполняют силовые и военные директивы. Можно вспомнить бушистскую «демократизацию Ближнего Востока», а в наши дни – закон, грозящий судебными карами посягателям на польскую суверенную память. «Выведенные “за штат” страны, по мере осознания своей исключенности из “общества нормальных”, испытывают все меньше сожалений...» Пока еще это довольно тусклое созвездие нескольких стран, от России до Венесуэлы. Но при новом зигзаге группа может расшириться и стать мировой

величиной. Там в тени ее угадывается фактор китайской державы. Не входя в клуб борцов с современностью, но действуя как катализатор, Пекин масштабирует их позицию.

Никогда не следует переоценивать прочность мирового порядка. Книга отмечает, что «неразвивающийся мир постепенно начинает убеждать сам себя в благах не-развития – последствия чего можно наблюдать уже на разных континентах». Список неразвивающихся растет. «Мы присутствуем при рождении своего рода “расколотой цивилизации” с ее стремительно формирующимися полюсами богатства и бедности, успехов и неудач». Неужели «блага не-развития» действительно существуют?

Здесь острый пункт книги. Автор подводит читателя к теме вероятного (хоть и немислимого сегодня) будущего глобального конфликта – борьбы современного и несовременного миров. «Расколотая цивилизация» (а так Владислав назвал одну из своих больших книг, с момента выхода которой прошло как раз 20 лет) – это биполярность наихудшего типа. Диктуя правила остальным, ни один из полюсов не сулит миру ничего особенно доброго. Такой «порядок» стал бы лишь ареной силовой борьбы за места глобального обвинителя и судьи. И отдал бы внутреннюю политику в руки популистов.

Книга Иноземцева о несовременной России ориентирует на критический анализ оснований политики. Уникальна не страна – уникален вызов к ее пониманию. Это новый для нас жанр – критического россиеведения. Книга Иноземцева, как

мне кажется, принадлежит к этому новому жанру. Она написана с искренним уважением к гражданам, преданным коррумпированными «элитами», но пытающимся государственно выжить. Концепт несовременной страны оставляет нам шанс найти *свою* современность – что уже сделали другие страны, кому Россия втайне завидует. Здесь есть место началу дальнейших дебатов.

Глеб Павловский

Введение

Сегодня, пожалуй, не найдется человека, который не согласится с тем, что с Россией что-то «не так». И речь не о том, хорошо это или нет, – кому-то кажется, что мы совершенно зря отклоняемся от пути развития «цивилизованных» стран, а кто-то считает, что именно наше общество остается образцом, на который стоит равняться остальным, – а о том, что ощущение диссонанса становится все отчетливее.

Это отчетливое ощущение порождено многими причинами, две из которых я бы назвал основными.

С одной стороны, российская история практически всегда была историей фронтирного общества, находившегося на стыке культур и цивилизаций и строившего свою идентичность на основании последовательного принятия и усвоения различных культурных и социальных традиций. Привнесенные извне практики принимались непросто – но зачастую к тому времени, когда их усвоение завершалось, окружающий мир до неузнаваемости изменялся и русское общество начинало воспринимать себя как своего рода хранителя чего-то такого, чего остальным цивилизациям не удалось сбереечь. Существенный дефицит внутренних источников развития на протяжении веков успешно компенсировался многочисленными заимствованиями – но этот механизм постоянно продуцировал консерватизм, соединенный с ощуще-

нием исключительности. Последнее выступало естественной «защитной реакцией», придававшей обществу необходимые устойчивость и равновесие. И как бы Россия ни приумножалась территориально, она не расширялась, если так можно сказать, ментально и идеологически; не порождала универсальных теорий и кодифицированных норм; стремилась не столько дать миру что-то новое, сколько не допустить потери того, что было ею ранее обретено.

Следствием развития такого типа стало ощущение «позитивной исключительности», которое упрочивалось по мере того, как Россия превращалась в одну из крупнейших и наиболее могущественных держав. Оно, в свою очередь, обуславливало пренебрежительно-надменное отношение к остальному миру, которое часто позволяло не обращать внимание на многочисленные проблемы собственной страны. Однако даже в периоды своего наивысшего успеха Россия оставалась одинокой: в лучшем случае ее окружали союзники, ранее подчиненные военной силой, или клиентелла, находившаяся на ее содержании (часто повторяемая ныне фраза Александра III о том, что «во всем свете у нас только два верных союзника – армия и флот»¹, идеально описывает эту ситуацию). На мой взгляд, такова специфическая «цена особости»: если исходным пунктом представляется то, что страна отличается от остальных, для привлечения к себе внима-

---

¹ Цит. по: Романов, Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*, Париж: Иллюстрированная Россия, 1933, с. 49.

ния необходимы давно известные «спецсредства» – сила или деньги. К такому позиционированию можно относиться по-разному, однако не стоит отрицать, что подобная модель развития позволяла и позволяет обществу находиться в относительной гармонии с самим собой, несмотря на многочисленные трудности развития.

С другой стороны, замкнутость и относительная изолированность России (иногда обусловленные внешними обстоятельствами, а иногда ее собственным выбором) совершенно иначе воспринимались извне. Из западной части Европы Россия виделась не столько как уникальная страна, сколько как либо отсталое, либо идущее по неправильному пути общество. Это ощущение непрерывно укреплялось на протяжении последних как минимум 500 лет – с тех пор как в Европе начала формироваться первая универсальная социальная доктрина, основанная на идеях права, собственности, личной свободы и сбалансированности интересов человека и государства. Конечно, сами по себе ни такая доктрина, ни экономические успехи европейских народов не могли служить основанием для отнесения России к «низшей» ступени развития: мир позднего Средневековья оставался полицентричным и эволюционировал асинхронно. Однако европейская экспансия, стартовавшая в XVI веке, за пару столетий радикально изменила ситуацию, утвердив не только евроцентричные трактовки прогресса, но и евроцентричный стандарт цивилизации.

Критически важным отличием, сформировавшимся в этот период, стало то, что европейцы, осваивая мир, создавали в нем свои offshoots² – территории, где колонисты копировали существенные черты прежних практик³, но в то же время основывали новые общества, способные к самостоятельному развитию; русские же в ходе «внутренней колонизации»⁴ расширяли пределы собственной страны⁵, практически не совершенствуя форм социальной организации. В результате сложилась ситуация, когда вестернизированный мир стал восприниматься как «норма», а все оставшееся вне его зоны влияния – как «аномалии»; так формировалось понимание «негативной исключительности» России как страны, не желающей (или неспособной) воспринимать «очевидные» достижения цивилизации. Это восприятие не компенсировалось растущей мощью страны – скорее такая выступала как повод относиться к ней с еще большими опаской и подозрительностью. Попытки России в XX столетии использовать западноевропейские социальные теории для продвижения собственного универсалистского проекта

---

² См.: Maddison, Angus. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Publications Service, 2000, pp. 6–9.

³ См.: Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004, p. 41.

⁴ См.: Etkind, Alexander. *Internal colonization: Russia's Imperial Experience*, Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2011, pp. 6–8.

⁵ См.: Ключевский, Василий. Курс русской истории в: Ключевский, Василий. *Сочинения в 9 томах*, т. 1, Москва, 1987, с. 50.

оказались несостоятельными – как по причине внутренних изъянов выбранной доктрины, так и в силу запоздалости самого предприятия.

Рубеж тысячелетий, как могло показаться, открывал не только перед Россией, но и перед всем человечеством особые перспективы. После долгого противостояния идеологий, общественных лагерей и экономических систем возникало «окно возможностей», о котором мечтали самые разные люди – от теоретиков конвергенции противостоящих блоков в единую «технотронную цивилизацию» до сторонников рыночного «социализма с человеческим лицом». История не имеет сослагательного наклонения, и мы не узнаем, что могло бы случиться, будь перемены начала 1990-х годов не столь стремительны. Однако произошло то, что произошло, – и желанный «конец истории»⁶ хронологически совпал с «однополярным моментом»⁷ Запада, что, на мой взгляд, вернуло человеческое сознание, почти свыкшееся было с альтернативностью истории, во времена, когда линейность прогресса воспринималась как данность.

В этих новых условиях разделенности мира, если не на победителей и побежденных, то уж по меньшей мере на успеш-

---

⁶ См.: Fukuyama, Francis. 'The End of History?' in: *The National Interest*, 1989, vol. 16, pp. 3–18, and Fukuyama, Francis. *The End of History and The Last Man*, London, New York: Penguin, 1992.

⁷ См.: Krauthammer, Charles. 'The Unipolar moment' in: *Washington Post*, 1990, July 20 и Krauthammer, Charles. 'The Unipolar moment' in: *Foreign Affairs*, America and the World Special Issue, 1990/91, pp. 35–42.

ных и неудачников, не могло не возникнуть возрождения того «стандарта», который был серьезно потрепан XX веком с его фашизмом и сталинизмом, нацизмом и маоизмом, а также десятками других «отклонений», которые порой, казалось, способны были реально свернуть историю с того пути, по которому она шла по меньшей мере со времен становления первых элементов буржуазного общества в Европе. Не будет преувеличением сказать даже, что никогда раньше концепт «нормы» не становился столь доминантным.

Подобная ситуация имела два следствия, о которых сегодня можно говорить как о данности, но которые стоило бы предвидеть еще на излете эпохи воображаемой альтернативности.

Во-первых, обретение «новой нормальности» не сразу, но привело к изменению парадигмы социологических исследований, если не всей социальной философии. Соединение ощущаемой «нормальности» передовых стран и постулируемого единства «постисторического» мира исключало старинный подход, в рамках которого мир делился на пространства цивилизации и варварства. В новых условиях черно-белое противопоставление заменилось на изоощренную картину полутонов, и мир погрузился в свои пятьдесят оттенков серого. С одной стороны, очарование нормы не позволяло полностью от нее отказываться; сегодня ни один политик в мире и подавляющее большинство исследователей не станут называть ни ту систему, в которой он живет, ни ту, о кото-

рой он, возможно, мечтает, не употребляя, например, эпитет «демократический». Как бы ни отличались Ф. Закария с «нелиберальной демократией»⁸ и В. Сурков с «суверенной»⁹ и каким бы эмоционально разным ни являлось их отношение к данному феномену, за основу берется демократия как явление, якобы подводящее общую основу под две мало чем похожие друг на друга политические системы. Отталкиваясь от обозначающего норму понятия, многие авторы спонтанно или осознанно камуфлируют тот очевидный факт, что демократии в строгом смысле слова в описываемых ими обществах вообще нет и что суть и характер этих социальных организмов должны исследоваться исходя из совершенно других представлений об их фундаментальных чертах, сводящихся к автократическому типу власти и несвободному обществу. При этом отмеченные термины вовсе не являются наиболее оригинальными: «демократия» получила за последние четверть века десятки эпитетов; сегодня говорят уже не только о «совещательной» демократии, но даже и о «тоталитарной»¹⁰.

---

⁸ См.: Закария, Фарид. *Будущее свободы: Нелиберальная демократия в Соединенных Штатах и в мире* [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Логос, 2004.

⁹ См.: Сурков, Владислав. 'Национализация будущего: параграфы про суверенную демократию' в: *Эксперт*, 2006, № 43, 20 ноября.

¹⁰ См.: Gutman, Amy and Thompson, Dennis. *Why Deliberative Democracy?* Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2004 и Wolin, Sheldon. *Democracy, Inc. Managed Democracy and The Specter of Inverted Totalitarianism*, Princeton (NJ),

Этот теоретический подход оказывает, на мой взгляд, крайне деструктивное влияние на современное социологическое знание, так как в ситуации, когда один из вариантов развития (не важно, какой именно) провозглашается нормой, все прочие рассматриваются в качестве отклонений. Как следствие, вместо глубокого изучения принципов функционирования того или иного общества и механизмов его устойчивости исследователи в первую очередь концентрируются на выявлении черт, отличающих его от «нормального». Возникает непреодолимое желание не «копаться» в серьезных проблемах, а ограничиться описанием тех реформ или изменений, которые, как кажется, способны устранить «наносное» и вернуть аномальное общество к «нормальному» состоянию. Тем самым реальные отличия одних социальных систем от других – которые, замечу, не стали существенно меньше за последние десятилетия – девальвируются, как, разумеется, и исследования таких отличий. Для понимания окружающего нас мира и его перспектив все это не сулит ничего хорошего: четкие классификации, прежде становившиеся следствием глубокого проникновения в суть социальных процессов, подменяются жонглированием терминами, становящимся занимательной игрой для исследователей.

Во-вторых, осознание того, что в мире есть не несколько существенно различающихся социальных систем, а мало

кем оспариваемая «норма» и масса более или менее серьезных девиаций, порождает иллюзию, что большинство отклонений могут быть исправлены. Войны за установление демократии – уникальное для XXI века явление, во многом порожденное распространением «нормативного» подхода – ведь в его отсутствие они были бы столь же маловероятны, как, например, попытка США или СССР завоевать не нападавшую на них Германию в стремлении уничтожить нацизм просто потому, что каждая страна считала буржуазную демократию или диктатуру пролетариата нормами, а фашистские порядки отклонением от них. Но даже если не ударяться в фантазии, можно уверенно констатировать, что следствием пусть и не практического насаждения, но хотя бы теоретического утверждения нормы выступает подъем реакционной волны, сторонники которой движимы желанием защитить право на существование форм и практик, не вписывающихся в норму. И всего через четверть века после всемирного торжества «нормальности» самые разные страны стали свидетелями расцвета популистских и экстремистских движений, апеллирующих к глубоко, как оказалось, заложенному в человеке отторжению «нормы». Консерватизм, граничащий с ретроградством, перестает быть уделом маргиналов, завоевывая все более широкую поддержку.

Следует заметить, что этот процесс протекает не только на личностном уровне; его субъектами порой становятся целые государства. Выведенные «за штат» страны, по мере осозна-

ния своей исключенности из «сообщества нормальных», испытывают все меньше сожалений по этому поводу. В той же мере, в какой справедливы слова Г. Киссинджера о том, что «статус доминирующей державы по сути автоматически порождает стремление иных государств обрести бóльшие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего»¹¹, верно и утверждение о том, что самопровозглашенный статус «нормальности» развитого мира не мог не породить реакции со стороны его оппонентов. По мере упрочения их позиций в глобальной экономике и политике отторжение «нормы» стало усиливаться. Неудивительно, что уже по прошествии чуть более десяти лет с момента краха коммунизма общепринятыми стали представления не об «окончании», а о «возобновлении» истории в новом столетии¹².

Россия, как одна из тех стран, которые столетиями шли своим собственным историческим путем, и как держава, на

---

¹¹ Киссинджер, Генри. *Нужна ли Америке внешняя политика?* [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Ладомир, 2002, с. 325.

¹² Фраза принадлежит Д. Беллу (см.: Bell, Daniel. 'The Resumption of History in the New Century' в книге: Bell, Daniel. *The End of Ideology. On The Exhaustion of Political Ideas in The Fifties*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2000 [русск. пер. В. Иноземцева: Белл, Даниел. 'Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги 'Конец идеологии'' в: *Вопросы философии*, 2002, № 5, сс. 13–25]); позже этот тезис в несколько иной формулировке повторил Р. Кейган (см.: Kagan, Robert. *The Return of History and The End of Dreams*, New York: Alfred A. Knopf, 2008).

протяжении большей части XX века олицетворявшая наиболее заметную альтернативную версию истории, не могла не оказаться в центре дискуссии о «нормальности».

В открытой форме таковая началась в 2005 году, когда в США вышла работа известного специалиста по России, одного из консультантов гайдаровского правительства А. Шлейфера «Нормальная страна: Россия после падения коммунизма»¹³. В ней автор исходил из описанного выше понимания нормальности западного мира и выражал даже не надежду, а скорее уверенность в том, что России удастся усвоить или скопировать ее основные элементы. В книге последовательно апологетизировалось почти все, что происходило в России в 1990-е годы: автор настаивал, что на старте рыночных реформ «работники приватизируемых предприятий получили такие щедрые льготы и уступки, каких не предусматривала ни одна приватизация в мире»; что в результате преобразований «Россия отказалась от достаточного числа пережитков системы централизованного планирования, чтобы стать рыночной экономикой»; а, например, падение средней продолжительности жизни россиян в эти годы «не выглядит обусловленным ростом бедности, недоеданием или ограничением доступа к услугам здравоохранения». Основной вывод прочитывался с первых строк: «к началу нового столетия Россия превратилась в нормальную страну – демо-

---

¹³ См.: Shleifer, Andrei. *A Normal Country. Russia After Communism*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005.

кратическое общество с рыночной экономикой»¹⁴. Разумеется, автор видел, что Россия по-прежнему занимает средние строчки в табелях о рангах мировых экономик; что ей необходимы огромные усилия для того, чтобы добиться перехода в круг развитых стран, – однако он подчеркивал, что все проблемы обусловлены «ненормальным» советским прошлым, в то время как теперь страна идет вперед и уже потому может (и должна) считаться «нормальной».

С момента выхода в свет книги А. Шлейфера ее аргументация вызывала у меня серьезное внутреннее неприятие, причины которого я попытался тут же изложить¹⁵. Однако еще раньше ответом автору стала фундаментальная статья С. Розфилда «Россия: Ненормальная страна», задавшая противоположный тон дискуссии¹⁶. Оппонент исходил из тезиса, что «существование рынка является необходимым, но недостаточным условием экономической нормальности в ее западном понимании», в то время как «страна без независимой судебной системы, без свободно избираемого парламента, без контроля законодательной власти над спецслужбами, без политически значимых независимых медиа и с тотально контролируемым властью государственным сектором в эко-

---

¹⁴ Shleifer, Andrei. *A Normal Country*, pp. 39, 182, 161, 4.

¹⁵ См.: Иноземцев, Владислав. [Рецензия на книгу: Shleifer, Andrei. *A Normal Country. Russia After Communism*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005] в: *Неприкосновенный запас*, № 4 (42), июль – август 2005, сс. 130–132.

¹⁶ См.: Rosefielde, Steven. 'Russia: An Abnormal Country' in: *The European Journal of Comparative Economics*, 2005, Vol. 2, No. 1, pp. 3–16.

номике» не может считаться воплощением нормы¹⁷. Конечно, А. Шлейфер акцентировал внимание прежде всего (если не исключительно) на экономических проблемах, а С. Розфилд рассматривал норму с социальных и политических позиций, но важнее то, что последний явно относился к нормальности не как к процессу, а как к состоянию. При таком подходе у России не было никакого шанса быть признанной «нормальной страной». Работы обоих авторов определили направление дебатов на тему России: они почти на 10 лет свелись к спорам сторонников того, что в поведении страны можно видеть «обнадеживающие сигналы», и теми, кто не наблюдал в новостях из Москвы ничего, кроме «разочаровывающей реальности».

Десять лет спустя наступил, казалось бы, момент истины. События 2014 года, аннексия Крыма и конфликт в Донбассе, а также последовавшая за этим резкая конфронтация между Россией и Западом сделали доминирующим восприятие России как государства, отвергающего все мыслимые европейские нормы. Президент П. Порошенко даже назвал ее новой Ордой, а Украину – страной, защищающей Европу от варварских полчищ. Между тем сам по себе захват чужих территорий не делает Россию «тартарией»: подобные действия одних государств в отношении других составляли чуть ли не основное содержание европейской истории на протяжении многих веков. Поведению России начала XXI века можно

---

¹⁷ См.: Rosefielde, Steven. *Russia: An Abnormal Country*, pp. 4, 9, 14.

найти множество аналогов в действиях европейских держав XVIII или XIX столетий. Сегодня Россия не перестает быть частью Европы, которой всегда была. Она, на мой взгляд, в наши дни заблудилась не столько в пространстве (как некоторые ее военнослужащие, «случайно» попадавшие в плен к украинским военным на украинской территории), сколько во времени. Она не столько ненормальная, сколько несовременная страна – и, мне кажется, соответствующая коррекция угла зрения в нынешних условиях выглядит исключительно важной.

Я не случайно подчеркнул, что одним из центральных пунктов дискуссии, начатой А. Шлейфером и С. Розфилдом, является вопрос о том, рассматривается ли ее объект в статике или в динамике. Любые нормы подвижны, как изменчивы и общества: поэтому, если та или другая страна существенно выделяется на фоне прочих, ей необязательно должен выноситься приговор ненормальности. Вполне вероятно, но она отличается от большинства лишь в некоторых аспектах, и даже, возможно, делает все от нее зависящее, чтобы приблизиться к передовым державам. Куда более важным является, на мой взгляд, вопрос о векторе развития, о том, в каком направлении изменяется общество: в том же, в котором одновременно с ним движутся или двигались ранее те страны, которые сегодня достигли наибольших успехов, или в противоположном.

Неравномерность экономического и социального разви-

тия – не исключение, а правило человеческой истории. Страны часто отставали в своем движении от лидеров, а порой и вообще замирали на десятки и сотни лет в почти неизменяющемся состоянии – в российской истории такие периоды случались не раз и не два. Однако гораздо менее привычны случаи, когда общества осознанно выбирают (или не препятствуют своим властям делать соответствующий выбор) откровенный «разворот» и под лозунгами консерватизма начинают путь назад, отказываясь от некоторой части современности, которой достигли в предшествующие исторические периоды. Именно это, на мой взгляд, творится сегодня в России – и именно поэтому я определяю ее как несовременную, а не ненормальную, страну. В экономике мы поворачиваемся от относительно открытой внешнему миру системы к автаркии; от достигнутого было частного рыночного хозяйства к системе государственных корпораций и банков; от конкурентной среды к монопольной. В обществе происходит ренессанс архаических норм в традициях чуть ли не русского домостроя; церковь воссоединяется с государством; возвращается цензура, фиксируются все новые попытки ограничения свободы обмена информацией. В политике демократические институты почти уничтожены; губернаторы, которые раньше избирались народом, а потом местными парламентами, сейчас практически исключительно назначаются для последующего одобрения на референдумах; выборы мэров отменены почти во всех крупных городах. Судебная система

почти полностью утратила независимость, а «правоохранительные» органы и силовые структуры обрели полномочия, сравнимые с теми, которые они имели пятьдесят или более лет назад. Если раньше несогласные с курсом партии и правительства могли говорить о том, что страна идет по неверному пути, едет не по той дороге, то сегодня диагноз выглядит совершенно иным – мы находимся на полосе встречного движения, ни больше ни меньше. При этом экономическая, политическая, интеллектуальная и демографическая деградация не страшит социум, практически полностью утративший как ощущение исторического времени, так и инстинкт самосохранения.

Однако все сказанное выше вовсе не означает, что на Россию следует «махнуть рукой», – скорее наоборот. В отличие от экспертов, которые считают ее «ненормальной» и видят своей задачей лишь инвентаризацию многочисленных отклонений от «нормы», я считаю, что задача, которая стоит сегодня перед непредвзятыми исследованиями, намного сложнее. Россию недостаточно назвать «большой бензоколонкой» – нужно понять, почему она превратилась из индустриальной страны в сырьевую и так быстро откатилась на периферию глобального научно-технологического прогресса. Россию мало характеризовать как коррумпированную страну – следует относиться к соединению власти и денег не как к совокупности исключений, с которыми общество пытается бороться, а как к базовому принци-

пу, определяющему его функционирование. Нужно не измерить масштаб пренебрежения людей к фактам и аргументам, а осмыслить, почему отторжение любого рационализма приняло здесь столь ужасающие масштабы. Смещение акцента с оценок «ненормальности» страны на постижение причин ее «несовременности» может и должно углубить понимание того, что происходит в России и чего от нее можно ждать. Заклинания о том, что «в Россию можно только верить»¹⁸, как и констатации того, что она остается «головоломкой, завернутой в тайну и спрятанной внутри загадки»¹⁹, обесценивают идею изучения страны, по сути предполагая, что она не только аномальна, но и не поддается анализу, применимому к «нормальным» странам. Нам же надо наконец понять, чем живет и как работает комплексная социальная система, выстроенная на основе принципов, которые, казалось, исключают ее выживание, почему она остается прочной и самовоспроизводящейся²⁰ и не желает возвращаться в ту современность, которую добровольно покинула.

---

¹⁸ Тютчев, Федор. *Стихотворения*, Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1868, с. 230.

¹⁹ Langworth, Richard (ed.) *Churchill's Wit: The Definitive Collection*, London: Ebury Press, 2009, p. 145.

²⁰ Этот момент хорошо отражен в заглавии моей статьи из *Le Monde Diplomatique*, которую дали ей издатели английской версии: Inozemtsev, Vladislav. 'Russia should't work but it does' in: *Le Monde diplomatique* English edition, 2010, № 11 (November), pp. 12–13 (оригинал вышел как Inozemtsev, Vladislav. 'Russie, une société libre sous contrôle autoritaire' in: *Le Monde diplomatique*, 2010, № 10 (Octobre), pp. 4–5).

Это, конечно, задача поистине титанического масштаба, и утверждать, что ее можно решить в одной книге, было бы, разумеется, пустым бахвальством. Но если изложенное в следующих главах поможет читателям даже не найти ответы на мучающие сегодня очень многих наших соотечественников вопросы, но хотя бы более четко сформулировать свое отношение к происходящему в стране, я буду считать усилия, потраченные на написание книги, небесполезными.

Варшава, Польша, 6 июня 2018 г.

Глава первая

Особенная идентичность

Сегодня часто говорят о том, что мир XXI века настолько изменчив, что любое общество может конструироваться и реконструироваться в зависимости от осознаваемых его элитами потребностей экономического или социального прогресса. Это действительно так – об этом свидетельствует опыт успешных модернизаций, которых за последние 100 лет отмечено больше, чем за всю предшествующую историю²¹. Однако данный тезис справедлив только в отношении тех стран, которые стремятся измениться; для тех же, которые либо провозглашают стратегией консерватизм, либо видят в устоях прошлого залог стабильности, исторические тренды нельзя не принимать во внимание. Поэтому начать исследование российской несовременности следует с краткого экскурса в ее историю.

---

²¹ Подробнее см.: Inglehart, Ronald and Welzel, Christian. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005, pp. 18–22.

Вечное «ученичество»

История России чрезвычайно богата и многообразна, но для целей данной главы я остановлюсь на одном ее аспекте: на специфическом, нигде более не встречающемся в таком «чистом» виде, отношении страны с внешним миром. Нигде с такой силой, как здесь, не проявилось щемящее ощущение окраинности (вот уж какую страну следовало бы по праву назвать «о(у)краиной»), причем это ощущение раз за разом воспроизводилось на самых разных этапах российской истории – даже тогда, когда ценой невероятных усилий народа страна достигала позиции наиболее мощной державы Европейского континента и второй глобальной сверхдержавы, она всегда сохраняла явные элементы провинциальности.

Я не буду вдаваться в подробности возникновения русской государственности, отмечу лишь, что формирование ее под сильным влиянием скандинавских вождей и дружин давно не подвергается сомнению²². Русь складывалась как своего рода форпост норманнской культуры в относительно чуждых для нее землях, однако возвышение новой страны началось тогда, когда она превратилась в связующее звено между севером и югом, бассейнами Балтийского и Черного морей,

---

²² См., напр.: Franklin, Simon and Shepard, Jonathan. *The Emergence of Rus', 750–1200*, London: Longman, 1996, pp. xvii–xviii.

северной Европой и Византией²³. К началу X века обширные территории от Новгорода до Киева, от Смоленска до Перемышля представляли собой далекую окраину европейского мира, не имевшую собственной «стержневой» идентичности. Попыткой создать таковую стал поиск государственной религии, хорошо описанный во многих исторических трактатах²⁴ и закончившийся принятием христианства в его византийской традиции. Отчасти это выглядит предсказуемо, так как к тому времени Русь в военно-политическом аспекте контактировала и соперничала только с Византийской империей, однако сам по себе процесс принятия новой веры выглядел достаточно нетипично: в подавляющем большинстве случаев до этого либо правители принимали религию тогда, когда она уже достаточно распространилась среди их подданных, либо ее насаждали внешние силы. Поиск, подобный российскому, вел лишь Хазарский каганат²⁵, история которого, однако, оказалась намного короче российской.

Процессы, которые были запущены крещением Руси, имели для страны непереоценимое значение, положив начало тому, что я бы назвал византийской рецепцией – первой из

---

²³ См.: Shepard, Jonathan. “The Origins of Rus” в: Perrie, Maureen (ed.) *The Cambridge History of Russia*, Vol. I: From Early Rus’ to 1689, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 49–52.

²⁴ См.: Riasanovsky, Nicholas. *Russian Identities: A Historical Survey*, Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, pp. 19–22.

²⁵ См. подробнее: Koestler, Arthur. *The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and Its Heritage*, New York: Random House, 1976, pp. 39–45.

как минимум трех волн рецепций, пережитых Россией за ее долгую историю. Византийская рецепция в зачаточной форме продемонстрировала все главные особенности перенятия, развития и использования Россией внешних социальных практик.

Следует отметить прежде всего, что, даже вступив в своеобразное «византийское содружество»²⁶ и формально получив доступ к позднеимскому наследию – духовному, интеллектуальному, материальному (а также возможность приобщиться к сохраненной в империи правовой традиции, постоянно дополнявшейся и совершенствовавшейся в соответствии с потребностями церковной и светской власти), – Русь ограничилась заимствованием относительно немногих черт, прежде всего касавшихся религии и обрядности, а также норм не столько изменявшихся существовавшие порядки, сколько способствующих их дополнительной легитимации.

Несмотря на то, что Византия во многом стала преемницей Рима в развитии и совершенствовании канонического права, данная часть византийской традиции вообще не была воспринята на Руси. Древнерусские юридические памятники первых после принятия христианства веков подтверждают, что на Руси существовала мощная традиция обычного права, которая сложилась на несколько столетий позд-

---

²⁶ Термин был введен в 1960-е гг. Д. Оболенским (см.: Obolensky, Dimitri. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*, New Haven (Ct.), 2000).

нее, чем в Западной Европе, – но она практически никак не соединилась с идущей от Рима византийской практикой кодифицирования юридических норм и не породила в итоге ни сословия легистов, ни разнообразных трактовок права, ни особой роли права в ограничении притязаний власти на свободу и жизни подданных – т. е. всего того, что отличало позднее Западную Европу от остального мира. В результате уже в первые столетия христианской Руси можно заметить наличие типичного для всей последующей ее истории «разрыва» между законом и правом. Вплоть до сего дня в России существуют (и постоянно множатся) законы, оформленные надлежащим образом, но противоречащие основному корпусу юридических норм, и потому могущие считаться неправовыми²⁷. Особенность «византийской рецепции» выступает одной из причин такого положения дел.

В той же степени обращение к позднеримской цивилизации не сформировало на Руси отношения к частной собственности. Даже в первые после принятия христианства века не появилось правовой концепции собственности, которая была бы закреплена в нормативном акте (что радикально отличало русские порядки от византийских); большинство историков сходятся во мнении, что вся домонгольская система собственности на Руси основывалась на коллективном

---

²⁷ См.: Иноземцев, Владислав. «Диктатура закона» упраздняет права россиян» в: *Московский комсомолец*, 2011, 5 июля, с. 3.

владении земель и имуществом целого рода²⁸. Часто возникавшие усобицы свидетельствовали о том, что «не существовало сколько-нибудь отлаженного механизма передачи по наследству владений Русской земли, закрепленного в сознании людей»²⁹. Князья стояли перед выбором: сохранить родовую собственность, отказавшись от частнособственнических притязаний на формирование своих отчин, или же пойти по пути дробления родовой собственности на семейные, отчинные владения, поставив тем самым под угрозу молодое русское государство. Собственно, это противоречие между собственностью и властью, частным и государственным интересом, не разрешенное, а скорее окончательно утвержденное в ходе византийской рецепции, стало одним из главных противоречий российского общества, присутствующим в нем и поныне.

Естественно, особым значением для Руси обладало перенятие византийской духовной традиции с ее идеей «симфонии» Церкви и власти, весьма нетипичной для западного христианства того времени, в котором формировались условия для жесткого и продолжительного противостояния светской и духовной властей³⁰. Особенностью рецепции ви-

---

²⁸ См.: Pipes, Richard. 'Was there Private Property in Muscovite Russia?' в: *Slavic Review*, 1994, vol. 53, pp. 524–530.

²⁹ См.: Юрганов, Андрей. *Категории русской средневековой культуры*, Москва: МИРОС, 1998, с. 152.

³⁰ В византийской традиции принято было полагать, что «Церковь и государство, как тело и душа, составляют один организм, и что между ними должно быть

зантийских практик стало некритическое восприятие этой идеи, воплотившееся в становлении такой Церкви, важнейшей задачей которой было дополнение инструментов доминирования, доступных мирским правителям. Можно без преувеличения сказать, что практически никаких (за исключением самых обрывочных) свидетельств присутствия в политической и интеллектуальной жизни Руси интереса к проблеме соотношения светской и духовной властей не находится вплоть до конца XV века³¹. Это объясняется в том числе и тем, что новую религию принесли на Русь не проповедники, а князья, которые в силу доминирования в обществе патриархального сознания воплощали единство национального, религиозного, государственного и правового начал. Сделав христианство своей опорой и инструментом управления обществом, русские правители естественным образом возложили на себя также и материальное бремя содержания этого нового социального института, который по понятной причине никогда после этого не выказывал значимых признаков «оппозиционности».

Безусловно важным элементом византийской рецепции стало и отношение, возникшее на Руси к городам, которые, несмотря на относительно высокий уровень развития ремесла и городских профессий, так и не стали торговыми или

постоянное взаимодействие во имя общего блага» (Павлов, Алексей. *Курс церковного права*, Санкт-Петербург, Лань, 2002, с. 47).

³¹ См.: Crummeу, Robert. *The Formation of Muscovy, 1304–1613*, London, New York: Longman, 1987, pp. 129–131.

ремесленными центрами, сохраняя свое значение прежде всего как место пребывания князя или церковных иерархов. Слабая интенсивность торговых связей и низкий уровень экономического развития – причины того, что городов в Древней Руси было так немного (в сравнении с Западной и даже Центральной Европой³²). Русские города – за исключением Новгорода и Пскова – сохраняли выраженную экономическую изолированность, будучи прежде всего местом пребывания князя, а позднее и церковного иерарха. Значительные расстояния между городами, нерыночное потребление княжеских дворов, доминирование натурального хозяйства в сельской местности – и по объективным, и по субъективным причинам русский город так никогда и не развился в экономический и торговый центр, каким город стал в средневековой Европе, не говоря уже (опять-таки за исключением Новгорода и Пскова) о том, чтобы стать центром самоуправления и общественной жизни.

Оказавшись неспособной перенять сущностные черты античной системы, во многом сохранившиеся в Византии и спасенные ею для Европы, Русь в ходе первой рецепции активно впитала в себя элементы, лежавшие на поверхности и при этом особенно выгодные для представителей власти – прежде всего идею единства Церкви и государства, приори-

---

³² См.: Pirenne, Henry. *Medieval Cities: Their Origins and The Revival of Trade*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1969, p. 64 и Tilly, Charles. 'Enlargement of European Cities and States' в: Tilly, Charles and Blockmans, Wim (ed.) *Cities and The Rise of States in Europe, 1000–1800*, Oxford: Longman, 1994, p. 16–19.

тета светской власти над духовной, и некоторые другие. При этом русские князья с довольно ранних пор стремились не только стать вровень с византийскими императорами, но даже (что звучит сегодня довольно смешно) найти нити династических связей с римскими цезарями³³. Византийская рецепция принесла перенятие не сущностей, а формы; не стратегий, а методов – но в то же время уже здесь выявилась глубинная особенность российских рецепций: стремление превратиться из ученика в преемника, из окраины в центр, из последнего в первого. Это проявилось в постоянном соперничестве с Константинополем по духовным вопросам, в позиционировании Руси наследницей Византии, в ее самопостулировании как центра православной цивилизации и, наконец, в провозглашении старцем Филофеем идеи Москвы как «Третьего Рима»³⁴. Переняв некоторые элементы византийского наследия, Россия на много столетий сделалась центром притяжения того восточнохристианского мира, который во многом определил ее социальный и политический облик, но в то же время и закрепил ее окраинный (хотя необя-

---

³³ В «Сказании о князьях Владимирских» (ок. 1527 г.) его автор утверждает: «Август, кесарь Римский... Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки... и с тех пор до нынешних времён зовется это место Прусской землёй», позже же «мужи новгородские пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя...» (цит. по: www.portal-slovo.ru/history/39078.php, сайт посещен 12 апреля 2017 г.).

³⁴ См.: Филофей. «Послание к великому князю Московскому Василию [III] (1524 г.)» (цит. по: www.lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=5105, сайт посещен 15 апреля 2017 г.).

зательно фронтирный³⁵) – и только в этом уникальный – характер как цивилизационной общности.

Однако всего через два с половиной столетия после «вхождения в орбиту» Византии русские земли пережили не меньшее, если не сказать – большее – потрясение: вторжение монгольских орд, которые в течение всего лишь пяти лет (1237–1242 годы) разрушили и завоевали все русские княжества от Рязани до Перемышля; относительный суверенитет сохранили только Новгород и Галич. Монгольская цивилизация (многие исследователи считают, что она сыграла определяющую роль в становлении «азиатского» характера России³⁶) отнюдь не являлась столь варварской, какой ее долгое время было принято изображать. Монголам удалось создать империю, которая на тот момент была самой большой по территории в мире, а также добиться невиданного совершенства в военном деле – и этот опыт базировался на нескольких уникальных технологиях, как управленческих, так и социальных.

---

³⁵ См.: Wiczynski, Joseph. *The Russian Frontier: The Impact of Borderlands upon The Course of Early Russian History*, Charlottesville (Va.): University Press of Virginia, 1976.

³⁶ По мнению Ч. Гальперина, «монгольское нашествие более, чем любое другое историческое событие, определило ход развития русской культуры, политической географии, истории и национальной идентичности» (см.: Halperin, Charles. *Russia and The Golden Horde: The Mongol Impact on The Medieval Russian History*, Bloomington (In.): Indiana Univ. Press, 1985, p. 19); также см.: Fennell, John. *The Crisis of Medieval Russia: 1200–1304*, New York: Longman, 1983 и Martin, Janet. *Medieval Russia: 980–1584*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

Прежде всего Монгольская империя предполагала особую технологию освоения континентальных пространств: в отличие от Рима, который строил дороги и возводил фортификационные сооружения в надежде (причем небеспочвенной) на многовековое доминирование на захваченных территориях, монголы делали акцент на быстрой мобилизации и четкой системе связи между «имперским центром» и любимыми точками на периферии. Система передачи сигналов и депеш, наличие гонцов, коней и опорных пунктов была огромным новшеством для того времени³⁷. Она оказалась крайне важной и для Руси, так как Восточно-Европейская равнина, хотя и не могла соперничать по площади со степями Центральной Азии, тем не менее практически не способна была управляться и осваиваться по канонам Западной Европы с ее неизмеримо более высокой плотностью населения и бóльшей долей городских жителей³⁸. При этом, расширяя свои владения, монголы не столько завоевывали новые территории для инкорпорирования их в формально единое централизованное государство, сколько устанавливали над ними эффективный контроль с целью получения дани и рабов, которые потом могли продаваться в регионы, где на них был

---

³⁷ Подробнее см.: Morgan, David. *The Mongols*, New York: Blackwell, 1987, pp. 48–60.

³⁸ См.: Cippola, Carlo M. *Before The Industrial Revolution. European Society and Economy 1000–1700*, London, New York: Routledge, 1980, pp. 42–47.

спрос³⁹. В результате возникала система, в которой местные правители пользовались значительными полномочиями и по сути выступали агентами ханов в отношении доминирования над их собственным населением. Это не было тем классическим феодализмом, который формировался в то же время в Западной Европе⁴⁰, но представляло собой особую форму зависимости от находившегося в отдалении (и порой полуполюгендарного) суверена.

Следует также отметить, что монгольская система предполагала (в отличие от той же западноевропейской) толерантность в религиозных вопросах: захватчики понимали, что церковные иерархи в любых конфессиях представляют собой крайне влиятельных людей, которые могут доносить необходимые указания и мнения до простолюдинов порой даже лучше князей и монархов. Учитывая, что завоеватели не ставили задачей создать централизованное государство с жесткой структурой управления и превратить всех его жителей в подданных хана, эта тактика была вполне оправданной. Именно поэтому русская Церковь не подвергалась во времена ига практически никаким гонениям⁴¹; показательным является и тот факт, что один из наиболее почитаемых русских

---

³⁹ См., напр.: Boyle, John Andrew. *The Mongol World Empire, 1206–1370*, London: Variourum, 1977, pp. 211–213.

⁴⁰ См.: Poly, Jean-Pierre and Bournazel, Eric. *The Feudal Transformation, 900–1200*, New York, London: Holmes & Meier, 1991, pp. 16–22.

⁴¹ См.: Halperin, Charles. *Russia and The Golden Horde*, pp. 113–114.

государственных деятелей, новгородский князь Александр, был причислен к лику святых после того, как нанес несколько поражений христианскому воинству ливонских и тевтонских рыцарей, после чего отправился в Орду, чтоб объявить себя вассалом великого хана и получить ярлык на продолжение княжения; значимость этого поступка связана, на мой взгляд, прежде всего с тем, что князь «спас веру православную» от миссионеров-крестоносцев даже ценой уплаты дани и вассальной зависимости от «толерантных» монголов. Так или иначе, монгольская система показала русским значение религиозной терпимости, на чем я еще остановлюсь.

Однако особое значение в монгольской системе управления имела уникальная правовая конструкция «ясы»: неписаного (и даже порой невысказывавшегося) закона, сформировавшегося во времена Чингисхана⁴², который тем не менее определял основные устои жизни подданных Монгольской империи и был обязателен для исполнения и на подконтрольных ей территориях. По сути скрытый (или «сокровенный») характер базового правового документа был уникальным даже для того времени и позволял толковать его исключительно широко и отчасти произвольно – особенно в отдаленных провинциях и вассальных территориях. Судя по всему, произошедшее во времена монгольского ига приобщение русских князей и их подданных к произвольным (и

---

⁴² См.: Aigle, Denise. *The Mongol Empire Between Myth and Reality*, Leiden: Brill, 2014, pp. 140–145.

довольно жестоким) законам стало критически важным элементом, который обусловил серьезное ужесточение русских правовых норм, хорошо заметное при сравнении судебныхников конца XV века с более древними юридическими документами, такими, например, как «Русская правда».

Русские княжества находились под властью монголов более 150 лет (с момента битвы на Куликовом поле в 1380 году иго стало по большей части номинальным), и масштабы второй рецепции сложно переоценить. Важнейшими приобретениями Руси я бы назвал новое восприятие пространства (некоторые князья проводили в поездках в Каракорум до трети времени своего правления); особое отношение к религиозности и готовность принимать устои чужой веры с намного бóльшей толерантностью, чем прежде, а также еще большее усложнение правовой (точнее – юридической, хотя и не обязательно правовой) системы, которой характеризовалось правление местных князей. Кроме того, в годы монгольского владычества случилось, наверное, самое важное из того, что Русь пережила в Средние века: прежде единая цивилизация раскололась на две части – на владимирско-московскую, исторически более отсталую и долгое время находившуюся под азиатским игом, и полоцко-галицкую, за несколько десятилетий избавившуюся от монголов и вошедшую в орбиту европейских княжеств и королевств – сначала православной Литвы, а позже католической Речи Посполитой. В это время Владимирская Русь – прежде по-

селенческая колония киевского княжества – стала новым центром консолидации русских земель и, освободившись от монгольского правления, но переняв монгольские социальные технологии, оказалась «на острие» российской истории, к чему еще за несколько веков до этого не существовало ни политических, ни экономических оснований и предпосылок.

Итоги «второй рецепции» стали куда более впечатляющими, чем последствия первой. Если Византия рухнула под ударами арабов и турок и Русь смогла стать лишь ее «духовным наследником», то в ситуации с монголами всё обернулось иначе. Овладев военными технологиями и научившись контролировать громадные территориальные пространства, русские менее чем через 100 лет после окончательного свержения иноземного ига инициировали масштабную экспансию на Восток, сначала разгромив очаги сопротивления, непосредственно ведшие свои истоки от монгольской государственности (такие как Казанское и Астраханское ханства), а затем выплеснувшись на просторы Сибири и Азии. Это может показаться нереальным, но с момента захвата русскими Астрахани до достижения ими Камчатки и Берингова пролива прошло всего 140 лет (1556–1697 годы) – намного меньше, чем нужно было для любой иной, даже намного менее масштабной, сухопутной колонизации (те же американские колонисты добрались из Новой Англии до берегов Тихого океана более чем за 230 лет). При этом на волне второй рецепции в Москве сменилась система правления, утверди-

лась царская власть, заметно сократилась роль любых иных органов управления, еще более снизилось значение правовых институтов. Апофеозом стала не только восточная, но и западная экспансия Московии, завоевание Пскова и Новгорода с искоренением их прежних свобод; «воссоединение» с левобережной Украиной и в итоге формирование России как единого восточнославянского государства с явно выраженными византийским духовным и монгольским управленческим компонентами.

Однако ни одна из рецептов так и не смогла обеспечить России устойчивого прогресса: страна постоянно отставала в своем развитии от Западной Европы, с которой с XVI века начинала активно сталкиваться во многом из-за той территориальной экспансии, которую она воспринимала как фундаментальный признак своей успешности. К концу XVII столетия отсталость России стала особенно заметной (я вернусь к этому вопросу во второй главе), и возникла настоятельная потребность в очередной, третьей, рецепции – на этот раз не с юга или востока, а с запада. Этот процесс, начавшийся во времена Петра I, окончательно завершился только в первой половине XX века и представлял собой сложную, поэтапную и многоуровневую систему заимствований, в которой в очередной раз проявились все наиболее характерные черты российских рецептов.

В центре этой волны в наибольшей степени находились технологии, а не религиозные или социальные стандарты.

Многие технологические достижения, которые в западной части Европейского континента разрушили феодально-абсолютистские порядки, России удалось перенять таким образом, что они только укрепили подобные порядки в самой новой империи. По сути, технологические и организационные новации были восприняты только в строго ограниченной части общества, довольно жестко отделенной от большинства населения сословно-классовыми устоями (тогда, когда эта грань начинала прорываться, в обществе формировались предпосылки реформ и отчасти бунта – как это было после заграничного похода русской армии в 1814 году). Однако в целом России в очередной раз удалось невозможное: соединить новые технологии Запада с крайне примитивной социальной и политической организацией своего собственного общества⁴³ и – пусть и повторяя циклы заимствований несколько раз (в петровское время, затем в период правления Александра I и потом – во времена «великих реформ» 1860-х годов) – добиться очевидного экономического прогресса и значительного роста своего влияния. И только тогда, когда для поддержания хотя бы относительного паритета с Западом в экономическом развитии потребовалось освободить формально зависимое крестьянское население, допустить капиталистические отношения, попытаться узаконить частную собственность и в итоге породить у населения мыс-

---

⁴³ Подробнее см.: Нефедов, Сергей. 'Петр I: блеск и нищета модернизации' в: *Историческая психология и социология истории*, 2011, № 1, сс. 47–73.

ли о политических свободах, система дала крупный сбой – самодержавие рухнуло, и на короткие мгновения Россия стала одной из самых современных стран, чтобы через несколько месяцев «опомниться» и вернуться в привычную для нее тоталитарную и внеправовую «колею».

Конечно, Россия не превратилась во «вторую Европу» так, как она стала «новым Константинополем»; разумеется, она не расширилась на Запад так, как на Восток, – но нет сомнений в том, что к началу XIX столетия в Европе сформировалась новая великая (если не самая сильная) держава. Этот флирт с Западом стал для России формой выживания в новое и новейшее время в той же мере, в какой флирт с Монгольской империей помог ей выстоять и укрепиться в Средние века. Не будет большим преувеличением сказать, что данный сюжет может быть распространен и на советский период, в течение которого совершенно несовременные – если не сказать «архаичные» – общественные формы, не предполагавшие демократии и конкуренции, не стали препятствием для восприятия наиболее совершенных технологических достижений, что сначала сделало Советский Союз победителем во Второй мировой войне, а затем определило его роль в качестве одной из глобальных сверхдержав. Однако и на этот раз итог оказался незавидным: после долгих десятилетий искусственного «приобщения к современности несовременными методами» страна развалилась (о причинах чего – ниже) и всего за 15–20 лет новая Россия была отброшена на

то место, которое по своему экономическому и социальному потенциалу она и должна занимать на мировой арене.

Итак, история России (в данном случае я следую концепции Кузнецовой – Люттвака⁴⁴) представляет собой три волны рецессий, в каждой из которых страна перенимала символически и организационно значимые, но не изменявшие ее сущности элементы. Это перенятие позволяло ей находить новые элементы идентичности; открывать в себе новые возможности к экспансии; обновляться в экономическом и технологическом отношениях – и на основе не созданных ею самой, а полученных извне представлений и технологий выходить из фактического небытия в круг самых мощных (но не более развитых и, уж конечно, не более современных) держав того или иного исторического периода. При этом Россия так и оставалась окраиной разных глобальных регионов – окраиной в том смысле, что из нее никогда не исходило новых технологических и социальных импульсов, которые поставили бы ее в центр определенной цивилизационной модели (о доминировании в ряде военно-политических блоков я не говорю). Единственная попытка такого рода, предпринятая в ходе реализации коммунистического эксперимента и оказавшаяся лишь относительно удачной, не случайно потребовала переименования страны из исторической «России» в совершенно нейтральный «Союз Советских Соци-

---

⁴⁴ См.: Luttwak, Edward and Kuznetsova, Ekaterina. *The Kremlin Paradox*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2019.

листических Республик» и активного подавления всего российского, которое на протяжении 70 лет старательно растворялось в интернациональном⁴⁵. С крахом данного эксперимента Россия в очередной раз оказалась окраиной – причем сразу нескольких цивилизационных общностей.

Состояние, которое я называю вечным ученичеством, не присуще в такой степени ни одной из ныне существующих стран. Большинство успешных держав – от европейских до азиатских – могут похвастать своими технологиями, общественными укладами и идеологическими концептами, благодаря которым в то или иное время эти страны смогли завоевать призвание и выйти в лидеры. В их истории порой были периоды отставания и даже выпадения из мировых трендов, но это никогда не повторялось как множественные циклы – и тем более не составляло содержание всей их истории, как это происходило с Россией. Именно эта неспособность рожать новое вкупе с уникальным и неповторимым умением использовать чужое для утверждения собственного превосходства и является одной из важнейших черт, не позволяющих говорить о России как о современной – что относится к любому из пройденных ею исторических этапов – стране.

---

⁴⁵ См.: Иноземцев, Владислав. 'Почести мумии' в: *Известия*, 2011, 19 апреля, с. 6.

Уникальная имперскость

Россию часто называют империей, но большинство самих россиян воспринимает такое определение болезненно, полагая, что наша страна качественно отличается от недолговечных объединений, созданных в разное время завоевателями. С подобным же предубеждением относятся в России и к мысли о том, что часть страны в прошлом и даже настоящем – колонии; отсюда и постоянное, ставшее в последнее время маниакальным, стремление подчеркнуть «единство» государства⁴⁶. Между тем Россия, на мой взгляд, может считаться империей – хотя империей, отличающейся от большинства иных ранее существовавших целым рядом характеристик.

Прежде всего следует отметить, что центр современной российской государственности – и об этом я уже упоминал – оказался уникальным образом смещен в сторону от исторических ареалов ее возникновения. История Руси началась практически одновременно в регионах, связанных между со-

---

⁴⁶ Проявления этого встречаются в большинстве выступлений президента, названии правящей партии «Единая Россия», в предложениях провести «Год единства российской нации» (см.: <https://rg.ru/2016/10/31/putin-podderzhal-ideiu-goda-edinstva-rossijskoi-nacii.html>), а также в постоянных отсылках к опасности «раскола» страны, даже несмотря на то, что такая угроза выглядит иллюзорной (см.: Иноземцев, Владислав. «Невозможность распада» [на сайте www.snob.ru/selected/entry/96635, сайт посещен 19 января 2017 г.]).

бой знаменитым «путем из варяг в греки» – прежде всего в Новгороде, Полоцке и Киеве, через которые и проходил этот путь⁴⁷. Связи как с Византией, так и с Северной Европой были критичны для новой страны (или совокупности княжеств): с одной стороны приходили новые каноны, с другой – происходило встраивание русских городов в торговые объединения Балтийской Ганзы. По мере расширения контролируемой из Киева территории младшие князья получали заведомо менее привлекательные города, отстоявшие на восток от основной «оси», – так появились сначала Владимирское, а потом и Московское княжества.

Показательно, что уже к середине XIV столетия большинство территорий, в IX–XI веках составлявших ядро русской государственности, оказались включены в европейские державы, в то время как становление нового царства (а затем и империи) началось именно с отдаленных провинций бывшей Руси. С течением времени исторические центры прежнего государства стали его провинциями и окраинами – как те же Киев, Новгород или Псков. Крайне сложно провести исторические аналогии, приходится изобретать некоторые конструкции – например, русская империя могла бы напоминать

---

⁴⁷ «Великий европейский торговый путь, известный по русским летописям как “путь из Варяг в Греки”, то есть из Скандинавии в Византию и обратно, был в Европе наиболее важным вплоть до XII в., когда европейская торговля между севером и югом переместилась на запад» (Лихачёв, Дмитрий. ‘Крещение Руси и государство Русь’ в: Лихачёв, Дмитрий. *Раздумья о России*, Санкт-Петербург: Logos, 1999, с. 69).

возрожденную Римскую с центром в Константинополе, если бы Юстиниану и его преемникам удавалось удерживать Вечный город на протяжении нескольких столетий, или империю Александра Македонского, управляемую из Антиохии, если бы она сохранилась как единое целое, составной частью которого была и сама Македония (почему-то, однако, все эти странские объединения так и остались неизвестны мировой истории). Тем не менее Российское государство на протяжении по меньшей мере последних 500 лет оставалось империей, в которой изначально периферийный центр жестко, а порой и жестоко, управлял историческими метрополиями.

Не менее специфическим образом обстоит дело и с колониями. В истории всех европейских народов – начиная от греков и финикийцев и заканчивая британцами и французами – колониальная экспансия выступала как нечто естественное, и в своем стремлении к территориальному расширению Россия менее всего отличалась от большинства европейских наций. Колонизацией, на мой взгляд, следует считать выплеск населения из метрополии в новые территории с целью создания на них определенным образом схожего с прежним общества⁴⁸. Можно согласиться с тем, что «термином «колония» обозначается поселение, созданное людьми, покинувшими свою родину и перебравшимися в иное место с целью основания нового общества на отдаленных землях»;

---

⁴⁸ См.: Revel, Jean-François. *L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses conséquences*, Paris: Plon, 2002, p. 80.

при этом колонисты отличаются от иммигрантов, которые, «напротив, не создают нового общества, но только перемещаются из одного общества в другое»⁴⁹

---

⁴⁹ Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004, pp. 41, 40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.